ГРИМУАР ВЕДЬМЫ

ЗАБЫТЫЙ РОД

АНА ФЛИККЕР

18+

Ана Фликкер
Гримуар Ведьмы: Забытый род

https://litres.ru/74852198
SelfPub; 2026

Аннотация

В Эстере за малейшее отличие от толпы платят жизнью. Агата знает это лучше других: она работает в пыльном столичном архиве и прячет свои неестественно белые волосы под тугим платком, мечтая лишь остаться незаметной для Ордена Чистой Стали.

Но одна случайная находка в старых бумагах перечеркивает всё. Древний Гримуар в кожаном переплете обжигает руку клеймом забытого рода Вальер и пробуждает в ней запретную магию. Теперь Агата — добыча, а по её следу идет Кассиан Торн, лучший ищейка Ордена, чье сердце холоднее стали.

Когда внезапный прорыв Пустоты обрушивает улицы города, охотник и жертва оказываются заживо погребены в заброшенных катакомбах, а их разумы связывает неразрывная ментальная нить. Чтобы выбраться из тьмы, им придется заключить ненавистное перемирие. Но как выжить рядом с тем, кто поклялся отправить тебя на костер, если каждая искра магии — и каждый его взгляд — жгут сильнее огня?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 20
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Ана Фликкер
Гримуар Ведьмы: Забытый род

Глава 1

Агата

Если хочешь жить — стань невидимкой.

Сделай шаг тише. Дыши ровнее. Смотри исключительно под ноги, считывая трещины на вымощенных камнем мостовых Эстеры. И главное — никогда, ни при каких обстоятельствах не поднимай головы, если мимо проходит патруль.

Я повторяла это как молитву каждое утро, стоя перед мутным, покрытым сеткой трещин зеркалом в своей крошечной каморке под крышей. Эти слова раз за разом твердила мне тетка, которая меня вырастила, пытаясь вбить науку выживания в мою детскую голову. Тетя умерла уже десять лет назад, и с тех пор я привыкла заботиться о себе сама, но ее хриплый, вечно встревоженный голос никуда не делся.

В комнате стоял такой холод, что дыхание вырывалось изо рта сизыми облачками пара, но я не обращала на это внимания. Мои заледеневшие пальцы привычно делали свою работу. Я брала тугой платок из грубой темной шерсти и тща-

тельно прятала под него волосы. Каждую прядь. Мои волосы были не просто светлыми — они были ослепительно белыми, точно свежий снег под полдневным солнцем. В любом другом месте на это бы просто оборачивались. Но только не в нашем городе.

Наш мир расколот на четыре Империи, разделенные бескрайними мертвыми землями Пустоты. Там, за чертой, нет жизни — только голодные твари и смерть. Эстера, как и остальные страны, выживает лишь благодаря гигантскому защитному Барьеру, укрывающему нас невидимым куполом от внешней тьмы.

Именно поэтому Империя уже триста лет беспрекословно подчиняется «Ордену Чистой Стали». Их боятся до дрожи в коленях, но без них мы бы не протянули и недели. Когда Барьер истончается и твари Пустоты прорываются на окраины, только инквизиторы способны загнать их обратно и выжечь заразу. А еще Орден учит, что Барьер слабеет по вине ведьм — якобы их темная магия разъедает защиту изнутри, открывая дорогу чудовищам. Поэтому магия здесь считается смертельной болезнью, а редкие ведьмы — главными врагами всего живого, которых люди готовы разорвать голыми руками. Инквизиция сделала всё, чтобы выжечь саму память о прошлом: история великих магических династий стерта из хроник, их артефакты уничтожены.

В народе шептались, что белые волосы — это отголосок старой крови, признак принадлежности к тем самым вымер-

шим ведьминским родам. И хотя во мне не было ни капли магии, проверять эти слухи на себе я не собиралась. Я была пустышкой. Но Инквизиции не нужны веские доказательства. Если патрульный решит, что моя внешность подозрительна, меня могут утащить в подземелья просто для проверки. А оттуда возвращаются редко. Поэтому я прятала волосы под платком и глубоким капюшоном плаща. Так было безопаснее.

Я завязала узел под подбородком, накинула плащ и вышла на улицу.

Осенний туман густой кисельной жижей стелился над мостовой, забирался под плохую одежду, смешиваясь с запахами жженого угля и свежего хлеба. Я спрятала руки в карманы и прибавила шаг. Люди вокруг двигались быстро и молча. В столице старались не привлекать к себе внимания.

На перекрестке у мясного ряда я резко замерла. Патруль.

Я сжала кулаки в карманах так, что ногти болезненно впились в ладони.

«Спокойно, Агата. Ты просто идешь переписывать налоги. Ты ни в чем не виновата».

Четверо воинов в вороненой стали. На груди каждого выбит знак — солнце и острый, похожий на клинки крест. Символ защитного Барьера, укрывающего Эстеру от тварей Пустоты, и беспощадной стали, которой инквизиторы вырезают любую скверну, чтобы этот свет не погас. Чистая Сталь.

Один из них, услышав мои шаги, повернул голову. Тяже-

лый сапог шагнул в мою сторону.

— Эй, ты! — прорычал он. Голос звучал глухо, искажаясь из-за высокого ворота доспехов.

Ноги стали ватными. Страх — чистый, липкий — затопил сознание. Если он заставит снять капюшон, придется объясняться.

Я послушно остановилась, опустив взгляд в землю и выстраивая на лице выражение покорной глупости.

— Д-да, господин? — пробормотала я.

Инквизитор сделал еще шаг, заставив меня втянуть голову в плечи. Я не поднимала глаз, видя перед собой только его тяжелые, забрызганные уличной грязью сапоги и край ножен.

— Куда идешь в такую рань?

— В Архив, господин. К мастеру Корвину. Переписывать реестры поставок... — Я дрожащими пальцами вытащила из кармана деревянную бирку — пропуск служащей казначейства.

Он мельком глянул на выжженную печать, брезгливо поморщился и махнул латной рукавицей.

— Иди. И смотри по сторонам. Вчера на окраинах снова видели следы скверны. Заметишь что странное — беги к страже. Поняла?

— Да, господин. Храни вас Свет, — я закивала и торопливо прибавила шаг.

Спину жгло чужим взглядом, пока я не свернула за угол. Только оказавшись на кривой улочке Ремесленников, я поз-

волила себе прислониться к каменной стене и судорожно выдохнуть. Обошлось. Город задыхался от паранойи, и с каждым днем Орден искал виноватых всё усерднее. Любые проявления силы жестко карались.

Я вытерла холодный пот со лба прямо через ткань платка и поплелась к массивному зданию Столичного Архива.

Архив встретил меня спасительным запахом спертого воздуха, вековой пыли, плесени и дешевых свечей. Это был мой дом последние три года. Мрачный, тихий, надежный. Здесь никто не задавал лишних вопросов, пока ты вовремя сдавала переписанные фолианты и не проливала чернила на казенный пергамент.

— Опять опоздала, Рид, — раздался скрипучий голос из полумрака прохода.

Из-за стопки гроссбухов вынырнул мастер Корвин. Сухой, как засушенная саранча, старикашка с вечно недовольным лицом. Он носил потертый шерстяной сюртук и цепко следил за каждой медяшкой, выделяемой на нужды архивариусов.

— Простите, мастер Корвин. На перекрестке патруль проверял документы, — тихо ответила я, покорно склонив голову.

Корвин раздраженно фыркнул, но спорить не стал. Людей в темных доспехах боялись даже такие сухари, как он.

— Ладно. Снимай плащ и за работу. Нынче бумаг невпроворот. Купцы привезли три телеги налоговых ведомостей из

южных провинций. Не занесешь в главную книгу до конца недели — платить за лишнюю свечу не стану, вычту из жалования.

— Я успею, мастер.

Мое жалованье составляло ровно пять медяков в день. Этого едва хватало на горбушку черствого хлеба, миску жидкой чечевичной похлебки и пару поленьев для камина. Вычтет медяк — буду сидеть в темноте и слушать, как от голода сводит желудок.

Я прошла к своему столу в дальнем углу зала. Скинула плащ, но платок на голове оставила. Среди высоких дубовых стеллажей царил полумрак. Я села на жесткий табурет, обмакнула перо в чернильницу и погрузилась в рутину.

Строчка за строчкой. Имя, мера зерна, налог, печать. Буквы ложились на шероховатую бумагу ровными рядами.

Пальцы затекали. Спину ломило от тупой боли. Но я работала без остановки. В этой монотонной работе было мое единственное спасение. Пока переписываешь цифры, не думаешь о том, что твоя жизнь пуста. Не думаешь о том, что у тебя нет ни семьи, ни друзей, ни надежд на будущее. Ты просто механизм.

К полудню глаза начали невыносимо слезиться от скудного света масляной лампы.

— Эй, Агата, — окликнул меня Корвин из кабинета, зашуршав бумагами.

Я вздрогнула. Чернильная капля едва не сорвалась с

острия пера на чистый лист. Я судорожно замерла и аккуратно отложила перо на подставку.

— Да, мастер?

— Завтра прибудет особая партия, — буркнул старик, не поднимая головы от расчетов. — Соборное хранилище чистят. Привезут хлам из самых нижних подвалов. Совсем древние записи, списанные церковные фолианты. Надо будет всё это разобрать, отсортировать прогнившее от того, что пойдет старьевщикам на растопку. Займешься этим в нижнем зале.

— В нижнем зале? — переспросила я с уколом тревоги.

Нижний зал находился глубоко под землей. Там было невыносимо холодно, пахло гнилью, а каменные стены покрывала черная слизистая плесень. Туда никто не спускался годами.

— А где еще? — огрызнулся Корвин, подняв на меня водянистые глаза. — Наверху места нет. Не развалишься, посветишь фонарем. Не отвлекайся, пиши давай.

Я снова взяла перо. Сердце почему-то заколотилось быстрее. Первобытная, необоснованная тревога сжала грудь, мешая вздохнуть. Старые книги из соборного хранилища... Собор принадлежал Инквизиции. Что они могли выбросить в Архив?

Я мотнула головой, прогоняя наваждение. Какая разница? Это просто работа. Сгнившая бумага. Завтра я спущусь в подвал, отсортирую этот хлам и получу свои медяки.

Ничего не произойдет. Ничего и никогда не происходит в жизни серой мыши по имени Агата.

Я обмакнула перо в чернила и продолжила писать.

Глава 2

Агата

Ступени, ведущие в нижний зал Столичного Архива, были скользкими от многолетней сырости и покрыты противным склизким мхом. Я спускалась медленно, крепко держа перед собой тусклый масляный фонарь. Тени от железной решетки метались по каменным стенам, изъеденным густой черной плесенью. С каждым шагом вниз воздух становился всё холоднее, он пробирался под старый плащ, въедаясь в кости.

Нижний зал встретил меня удушливым запахом тлена. Это был специфический запах мертвой бумаги, гниющего пергамента и забытых человеческих тайн. В центре огромного сводчатого помещения возвышалась бесформенная гора книг, свитков и перевязанных грубым шпагатом папок. Та самая особая партия из соборного хранилища. То, что Инквизиция сочла ненужным мусором и милостиво сбросила нам.

Я поставила фонарь на единственный шаткий стол, сбросила на пол пару сгнивших досок и села, натянув на руки толстые суконные рукавицы. Работа предстояла грязная. Корвин ждал к вечеру отчет и хотя бы пару десятков отобранных томов, которые можно было выгодно продать городским букинистам или старьевщикам. Остальное пойдет в печи.

— Ну, приступим, — прошептала я в пустоту, просто чтобы услышать собственный голос. Эхо глухо разбилось о каменный потолок.

Первые два часа слились в бесконечную, пыльную рутину. Я брала книгу, стирала с обложки серую пыль и открывала. В основном это были старые трактаты о послушании, безнадежно испорченные реестры храмовых пожертвований и какие-то нудные богословские размышления, страницы которых от влаги слиплись в единый каменный ком. Такие я безжалостно швыряла в кучу на выброс.

Пыль забивалась в нос, першила в горле. Пальцы в суконных рукавицах быстро онемели от промозглого холода, спина затекла от неудобной позы. Но я работала методично. Раз, два. Очистить, оценить, бросить.

К середине горы макулатуры мой масляный фонарь начал предательски тускнеть. Я потянулась к очередной книге, заваленной под стопкой сгнивших проповедей, и с трудом потянула её на себя.

Она была тяжелой. Гораздо тяжелее обычного.

Я вытащила её на скудный свет фонаря и нахмурилась. На ней не было пыли. Ни единого крошечного пятнышка серой гнили, которая безжалостно сожрала все соседние тома в этой куче.

Книга была обтянута темной, почти черной кожей. На ощупь, даже сквозь грубую ткань рабочей рукавицы, она казалась странной. Податливой. Упругой. Теплой? Нет, это

просто игра моего воспаленного воображения, в этом ледяном подвале ничто не могло хранить тепло.

Я провела рукой по обложке, смахивая несуществующую пыль. Под ней проступало глубокое, искусное тиснение. Никаких позолоченных букв, никаких гербов Ордена Чистой Стали или привычных церковных распятий. Просто невероятно сложный, переплетающийся узор, в центре которого угадывался какой-то древний символ.

Я прищурилась, поднося книгу почти вплотную к желтоватому свету. Глаза уже слезились от напряжения. Что это? Забытый родовой герб? Запрещенный трактат? Если это что-то действительно ценное, Корвин даст мне премию. Может быть, целый серебряник. Эта мысль заставила сердце радостно екнуть. На серебро можно купить дров на целый месяц.

Но узор на обложке был слишком тонким, слишком витиеватым. Толстое сукно рукавицы не давало прощупать контуры, а глаза в полумраке отказывались различать мелкие детали.

Я тяжело вздохнула, зажала загадочную книгу под мышкой и зубами стянула с правой руки рукавицу. Воздух подвала тут же жадно укусил голую кожу.

«Только прощупать узор, — подумала я, протягивая руку к обложке. — Одно движение кончиками пальцев, чтобы понять».

Я не знала, что это простое, рутинное движение навсегда разделит мою жизнь на жалкое «до» и кошмарное «после».

Мои голые пальцы коснулись темной кожи книги.

В первую секунду не произошло абсолютно ничего. А затем из-под обложки хлынул свет. Это была не слепящая вспышка, а живое, пульсирующее золотисто-огненное сияние. Светящиеся линии, сотканные из древних символов и рун, взвились в воздух, закружились вокруг меня светящимися лентами. Мириады огненных искр затанцевали над раскрытыми страницами, освещая полумрак ледяного подвала теплым заревом. Я завороженно смотрела, как эта магия мягко окутывает мои руки, словно узнавая во мне хозяйку...

А затем мир взорвался.

Мягкое свечение обернулось такой ослепительно яркой вспышкой, что выжгло сетчатку белым пламенем, отбрасывая меня в кромешную тьму. Меня ударило наотмашь, невидимым каменным тараном. Я отлетела назад, с грохотом опрокинув стул, и рухнула на ледяной пол. Воздух с сиплым хрипом выбило из легких.

Боль. Невыносимая, дикая, разрывающая на куски боль прошила мое тело. Она была такой силы, что я даже не смогла закричать — горло мгновенно свело жесткой судорогой.

— М-м-м… — сиплый, звериный стон вырвался изо рта, когда я скорчилась на грязном каменном полу, баюкая руки на груди.

Казалось, кто-то влил мне прямо в вены раскаленный свинец. Этот огонь не обжигал кожу снаружи, он пожирал меня изнутри. Он мчался по кровеносным сосудам, безжалостно

вгрызаясь в сердце, а затем с первобытным ревом устремляясь прямо в мозг.

В ушах стоял оглушительный гул, сквозь который пробивался чужой, низкий шепот. Сотни голосов говорили одновременно, сливаясь в один неразборчивый, древний язык, от звуков которого кровь стыла в жилах.

Мое тело выгнуло дугой. Я задыхалась, колотясь затылком о камни. То, что мирно спало во мне двадцать лет, то, что никогда не проявляло себя ни единой искрой, сейчас проснулось, взревело и вырвалось на свободу. Магия. Грязная, запретная, первобытная магия бурлила во мне, перестраивая само мое существо, ломая мои человеческие страхи, сметая выстроенные годами ментальные барьеры.

Когда агония, прошившая каждую клетку, наконец начала отступать, раскаленный свинец в венах не исчез бесследно. Он хлынул обратно, стремительно стягиваясь из всего тела в одну-единственную точку — на запястье левой руки. Огонь пульсировал там с новой, концентрированной яростью, навсегда выжигая на моей коже древнее клеймо.

Я не была пустышкой. Я никогда ею не была.

Слезы брызнули из глаз, оставляя на пыльных щеках грязные дорожки. Я перевернулась на бок, судорожно глотая ртом затхлый воздух подвала. Огонь внутри начал медленно, словно неохотно утихать, оставляя после себя странную, пугающую легкость. Я чувствовала каждый удар своего сердца. Я чувствовала, как дрожит слабое пламя в фонаре на столе.

Я кожей ощущала саму невидимую ткань пространства вокруг себя.

Всхлипывая и дрожа всем телом, я поднесла левую руку к лицу.

На тонком запястье, прямо на моей бледной коже, мягко алел идеальный, геометрически выверенный символ. Он выглядел так, будто его выжгли раскаленным железом, но кожа не была повреждена и кровь не выступала. Тонкие линии светились изнутри слабым, пепельно-лиловым светом, который постепенно угасал, оставляя на коже темный след.

Я замерла, чувствуя, как внутри меня зарождается ужас.

Я узнала этот символ.

В памяти мгновенно всплыли обрывки старых запретных легенд, полушепотом передаваемых впотьмах, и строчки из полусгнивших хроник, что случайно попадались в архивных завалах. Этот знак принадлежал некогда самому могущественному роду ведьм, стертому из официальной истории ровно триста лет назад — в год, когда Орден Чистой Стали только пришел к власти и вырезал под корень всех истинных носителей древней крови.

Забытый род.

Считалось, что последние представители этой династии были полностью истреблены тогда, во время Первой Очистки. Века назад. От них не должно было остаться даже пепла.

И вот теперь этот символ горел на моем запястье.

Это значило только одно. Я не была случайной сиротой с

белыми волосами. Я — прямая наследница того самого забытого рода могущественных ведьм. Наследница силы, за обладание которой Инквизиция сжигает заживо без суда и следствия.

— Нет… — сорвался с моих губ отчаянный, полный ужаса шепот, затерявшийся под сырыми сводами подвала. — Нет, нет, нет, Свет милосердный, за что?!

Гримуар лежал на полу там же, куда я его выронила. И теперь я не сомневалась ни секунды: передо мной была не просто старая книга из соборных подвалов. Это был он — древний, пробудившийся Гримуар рода Вальер. Его плотная кожаная обложка едва заметно вздымалась, словно живая грудная клетка при дыхании. А шепот… он больше не доносился извне. Он звучал прямо в моей голове — насмешливый, темный, торжествующий.

Я крепко зажала уши грязными руками, но шепот не исчез. Он плотно обволакивал мой разум, липкими щупальцами приветствуя свою новую хозяйку.

Я — Ведьма.

Одно это слово в Эстере звучало как окончательный, не подлежащий обжалованию приговор. Костер... Сырые подземелья Цитадели. Изощренные пытки. И... костер. Я всю жизнь прятала свои белые волосы, дрожала при виде патрулей, пыталась быть невидимой серой тенью, чтобы просто выжить. И всё ради чего? Ради того, чтобы в одно мгновение в пыльном подвале стать самой желанной, самой ценной до-

бычей для Ордена Чистой Стали.

Я судорожно натянула суконную рукавицу обратно на руку, отчаянно пряча проклятый символ. Меня колотило так, что зубы выбивали барабанную дробь.

«Успокойся, Агата. Успокойся. Никто не видел. Никто не знает».

Я заставила себя подняться на ватные, не слушающиеся ноги. Подошла к столу. Книга лежала тихо. Словно обычный старый фолиант. Я не могла оставить её здесь. Если Корвин найдет её, если кто-то из Инквизиции решит спуститься в архив и проверить мою работу…

Трясущимися руками в плотных суконных рукавицах я схватила Гримуар, сунула его на самое дно своей холщовой сумки и торопливо завалила сверху испорченными бумагами.

Я должна была бежать. Должна была спрятаться. Но бежать в этом городе было некуда. Охота на меня уже началась, просто я об этом еще не знала.

Глава 3

Агата

Схватив сумку и погасший масляный фонарь, я бросилась к лестнице. Каменные ступени казались бесконечными. Мои ноги налились свинцом, колени предательски подкашивались, но я карабкалась наверх, к дневному свету, отчаянно цепляясь за осколки своего рухнувшего мира.

«Если я сейчас сяду за стол, если возьму перо и начну привычно писать цифры — всё вернется на свои места, — лихорадочно убеждала я себя, тяжело дыша. — Я просто буду носить рукава подлиннее. Я никогда не подниму рук. Никто ничего не узнает. Инквизиция не ищет тех, кто сидит тихо. Нужно просто притворяться».

Я вылетела из узкого коридора в главный зал Архива, запнувшись о деревянный порог.

— Рид! Ты что носишься, как ошпаренная кошка? — рявкнул мастер Корвин. Он отшатнулся от меня, едва не выронив тяжелую стопку налоговых ведомостей.

Я замерла на месте. И в эту секунду поняла: притворяться не получится. Что-то безвозвратно изменилось во мне самой.

Мир вокруг неуловимо, но жутко изменился. Обычные звуки и запахи отошли на второй план, уступив место чему-то иному — невидимому, но осязаемому и давящему. Я

вдруг с пугающей ясностью ощутила саму ткань пространства. Воздух в Архиве казался пронизанным тонкими, вибрирующими нитями. Я не просто смотрела на Корвина — я каким-то непостижимым шестым чувством *знала*, что если он сейчас чуть сильнее сожмет пальцы, верхний лист в стопке ведомостей порвется. Тени в углах зала перестали быть просто отсутствием света; они густели, дрожали и едва заметно тянулись в мою сторону, словно живые. Мое восприятие реальности треснуло по швам, впуская в себя чужеродную, запретную магию.

— Я... простите, мастер, — мой голос предательски дрожал. Я еще сильнее вцепилась пальцами правой руки в левый рукав, натягивая его на метку. — Внизу слишком тяжело дышать. Там такая пыль... У меня закружилась голова. Я едва не упала в обморок.

Корвин раздраженно прищурился, брезгливо оглядывая мой растрепанный вид, белое как мел лицо и сгорбленные плечи.

— Бестолочь, — наконец выплюнул он. Жалости в его мутных глазах не было ни на грош. — Неженка. Попей воды из бочки и марш за стол. Сроки горят, Рид. К вечеру мне нужны переписанные реестры за прошлый месяц. И если ты опять будешь зевать и слоняться без дела — вычту медяк из твоего жалованья.

— Да, мастер. Спасибо, мастер Корвин.

Я попятилась, не смея повернуться к нему спиной, и по-

чти бегом бросилась к своему столу в самом темном, дальнем углу зала. Сумку с Гримуаром я поставила на пол, плотно зажав её между ступнями. Мне казалось, что если я отпущу её хоть на секунду, чертова книга выпрыгнет наружу и закричит на весь Архив о том, кто я такая.

Упав на жесткий табурет, я схватила гусиное перо. Рука тряслась так сильно, что я едва не опрокинула чернильницу.

«Работай, Агата. Просто работай. Ты переписчица. Ты никто».

Я обмакнула перо в чернила и прижала его к бумаге. Вывела первую цифру. Вторую. Имя купца. Меру зерна. Налог. Печать.

Дыхание начало медленно выравниваться. Монотонный скрип пера о бумагу всегда действовал на меня успокаивающе. Буквы ложились на пергамент кривовато из-за неконтролируемой дрожи в пальцах, но ложились. Я могу это контролировать. Я смогу с этим жить. Я просто никогда в жизни не сниму длинные рукава на людях. Я буду в тысячу раз осторожнее, чем раньше.

«Какая жалкая, восхитительная иллюзия», — раздался голос.

Я вздрогнула так резко, что острие пера с хрустом прорвало бумагу. Жирная чернильная клякса уродливым черным пауком расползлась по беловому листу налоговой ведомости.

Голос не прозвучал в зале Архива. Никто не стоял у меня

за спиной. Он раздался прямо в центре моего разума. Вязкий. Бархатистый. Глубокий, как заброшенный колодец, в котором нет дна, а есть только тьма.

«Замолчи, — мысленно, со слезами крикнула я, крепко зажмурившись и вцепившись побелевшими пальцами в край деревянного стола. — Оставь меня. Тебя нет. Этого не происходит».

«Я не иллюзия, маленькая мышь, — шепот стал громче, заполнив собой всё пространство в моей голове, вытесняя мои собственные мысли. В нем слышалась откровенная насмешка. *— И ты не умеешь прятаться. Ты можешь натягивать свои грубые рукава до самых кончиков пальцев, прятаться под капюшонами и забиваться в щели, но это не изменит того факта, что твоя кровь горит. Ты светишься во тьме для тех, кто умеет видеть. Ищейки Ордена почуют твой след. Это лишь вопрос времени».*

— Нет, — прошептала я вслух, отчаянно мотая головой. Слезы беспомощности подступили к глазам, обжигая веки. — Я ничего не делала. Я не применяла магию. Я не хочу этого. Они меня не найдут.

«Ты и есть магия, глупая девчонка, — голос Гримуара вибрировал от высокомерия, и с каждым его словом моя головная боль усиливалась, превращаясь в железный обруч, жестоко стягивающий виски. *— Ты последняя из Вальеров. Твои предки меняли русла рек одним взмахом руки. Они искажали саму ткань вероятности. Они решали, кому жить,*

а кому гнить в земле, просто взглянув на нити судеб. А ты? Ты сидишь в пыльном чулане, до дрожи боишься выжившего из ума старика и пачкаешь пальцы дешевыми чернилами за гроши. Какое жалкое разочарование».

— Оставь меня в покое! — я схватилась за голову, с силой надавив на виски.

Гул в ушах нарастал, перекрывая звуки Архива. Книга в холщовой сумке под столом начала излучать жар. Я чувствовала это пульсирующее тепло сквозь грубую ткань юбки и старые кожаные ботинки. Гримуар обжигал мне ноги, требуя внимания, требуя высвобождения силы.

«Я спал во мраке триста лет в ожидании крови Вальеров, — безжалостно продолжал дух книги, и в его вкрадчивом шепоте прорезались стальные, угрожающие ноты. — *Я не позволю тебе сгнить в этой дыре. Ты откроешь меня. Ты впустишь мою силу в свои вены и возьмешь то, что принадлежит тебе по праву крови. Или ты сгоришь на костре Ордена, так и не поняв, кем могла бы стать».*

— Рид! — резкий, скрипучий окрик Корвина прорвался сквозь колдовской дурман в моей голове.

Я резко открыла глаза, тяжело и часто дыша. Архивариус стоял в десяти шагах от моего стола, подозрительно сощурившись.

— С кем ты там переговариваешься? Ты что, рассудком тронулась от пыли в подвале? А это еще что такое?!

Он уставился на испорченный лист пергамента на моем

столе. Черная клякса безнадежно залила почти половину страницы.

— Испорчена казенная бумага! — взвизгнул старик, багровея от злости. — Я вычту это из твоего...

Я не могла здесь оставаться. Воздух в Архиве внезапно стал тяжелым, удушливым, он давил на плечи, ломал ребра. Мне казалось, что каждый шорох, каждый взгляд сейчас направлен на меня. Они все увидят. Корвин увидит. Стража на улице увидит.

— Простите, мастер, — я вскочила с табурета так резко, что он с грохотом отлетел назад и ударился о стеллаж. — Мне... мне очень плохо. Меня тошнит. Я не могу писать. Я должна идти.

— Куда ты собралась?! А кто будет переписывать реестры?! Рид! Я лишу тебя жалованья за целую неделю! Слышишь меня?!

Я его не слушала. Схватив сумку — теперь она казалась неподъемной, словно внутри лежал не фолиант, а кусок свинца — я накинула плащ прямо на ходу и бросилась к выходу. Я бежала по узким проходам между стеллажами, сбивая плечами пыльные папки, почти ничего не видя из-за подступающих слез паники.

Вырвавшись на улицу, я жадно глотнула влажный, холодный воздух. Осенний туман с силой ударил в разгоряченное лицо. Я прислонилась к массивной деревянной двери Архива, пытаясь унять бешеный стук сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.